

Глава 1

Среда на последней неделе летних каникул должна была стать особенной. Исключительной. Но с самого начала всё пошло как-то не так. Утро началось с раздражающего звонка на моём мобильнике. *Квак, квак, квак.*

Если бы сосед по парте, который поменял мне мелодию звонка с песни Шона Мендеса *There's Nothing Holdin' Me Back* на группу *Quarks*, не был таким красавчиком, я бы давно вернула прежние настройки. Но это кваканье каждый раз напоминало мне о Джонасе, о его медово-карих глазах, о родинке на левой щеке и, конечно, в первую очередь — о той истории с клубникой. Когда я окончательно перестала надеяться на взаимность...

Я тяжело вздохнула и с головой накрылась одеялом: только кончик носа торчал наружу. Изо всех сил я пыталась не обращать внимания на квакающую лягушку. Но, к сожалению, она была довольно упрямой. *Квак, ква-ак, ква-а-ак, ква-а-а-ак.*

Наконец мне это надоело. Я нащупала на прикроватной тумбочке смартфон и ответила на вызов, даже не

За двадцать минут до полуночи

посмотрев, кто звонит. И именно в тот момент, когда я уже приложила телефон к уху и собиралась что-то сказать, я широко зевнула.

— Эмма, дорогая, ты что, до сих пор спишь? — это была моя лучшая подруга Леона.

Я чуть приоткрыла глаза. *До сих пор?* Всего восемь утра! А у нас всё-таки каникулы.

Однако Леона была другого мнения. Сейчас её голос звучал так, будто она только что пробежала марафон. Похоже, подруга опять решила выйти на пробежку с утра пораньше. Я ей даже немного завидовала, поскольку сама обычно радовалась, если мне утром удавалось спокойно и без суеты съесть тарелку кукурузных хлопьев. Леа же, ещё до начала уроков, полчаса бегала по парку, а ела она исключительно здоровую пищу — какие-то там сбалансированные органические хлопья со свежими фруктами. Активистка, спортсменка — умничка, одним словом.

Однажды я была на пробежке вместе с ней. Хватило на всю оставшуюся жизнь. Рядом с Леоной я чувствовала себя восьмидесятилетней старухой, которая смогла бы обогнать разве что улиток. Их было предостаточно в саду моих бабушки и дедушки.

— Да нет, не сплю я. Меня лягушка разбудила, — пробормотала я, протирая глаза.

— Лягушка? — Леона хихикнула. Судя по фоновым звукам, она как раз делала растяжку где-то на скамейке в парке. — Так до сих пор и не сменила эту дурацкую песню? Впрочем, она очень даже подходит этому лягушонку Джонасу. Но ведь говорят, что лягушонок может превратиться в прекрасного принца, если его поцелует настоящая принцесса.

Глава 1

— Вполне возможно, — вздохнула я. — Ударение на слове «настоящая».

— А вдруг ты всё-таки сможешь его очаровать на осеннем балу? — не сдавалась Леона.

— Он же теперь с Меган ходит, забыла?

— И что с того? Кстати, я после пробежки как раз к вам собиралась.

Я медленно села на кровати, а Леона тем временем продолжала:

— Я всю ночь не спала. Божечки, это так волнительно! И так круто! Сегодня я наконец-то узнаю финал. Можешь себе представить? Два года этого ждала — и вот!..

Я нахмурилась. О чем это она? Что ещё за финал? О господи, тот самый финал!..

— Чёрт возьми... Ох, Леа, прости, мне срочно надо в лавку. Там тогда и увидимся. До скорого! — поспешно крикнула я и швырнула телефон на подушку. Затем я закрыла лицо руками и громко застонала:

— Аааааа!

Блин. Блин. Блин. Сегодня же тот самый важный день, а я до сих пор не в магазине! Сон как рукой сняло. Будто ужаленная тарантулом, я вскочила с кровати и тут же умудрилась наступить на край валявшейся на полу книги. Ай!.. Отлично день начался. Зачем я только согласилась помогать отцу в книжном магазине? Он же просто даёт мне чуть больше карманных денег, чем обычно. Но подвести папу я просто не могла, особенно сейчас, когда его помощница Филиппа снова заболела. С ней это постоянно случалось, когда предстояли важные дела.

А сегодняшнее мероприятие было чертовски важным. Папа уже несколько недель крутился юлой, пото-

За двадцать минут до полуночи

му что знаменитая писательница Ханна Рудерер вдруг решила почтить своим присутствием именно его небольшую лавку и представить здесь свою последнюю книгу в жанре романтического фэнтези. Скажу честно, я даже вообразить не могла, как это произошло, потому что «Книги Грюнвальд» — не то место, где обычно проводятся какие-то крупные мероприятия. Магазины у нас не то что маленький, а крохотный. И старомодный. Такой... незначительный. Ничем, в общем, не примечательный. Заходят к нам обычно верные постоянные клиенты да туристы, которые непременно хотят купить почтовые марки (хотя марки папа как раз и не продаёт).

Но сегодня всё должно было быть по-другому. Ханна Рудерер собиралась читать не просто один из своих рассказов, а финальный том нашумевшей трилогии «За двадцать минут до полуночи». Так что вечером к нам должна была нагрянуть целая толпа. Мне было очень не по себе!

И дело было даже не в том, что мне не слишком нравилось работать в папином магазине — каждый, кто когда-либо сталкивался с моим отцом, это отлично понимал, — я просто не могла разделить всеобщее восхищение этими слащавыми историями.

Вот, например, в «Двадцати минутах...» всё вращается вокруг белокурого смазливового паренька дворянского происхождения по имени Фил Брендфейр. Он живёт в Суссексе в девятнадцатом веке и является путешественником во времени. Для очередного путешествия он использует стеной шкаф своего дедушки и внезапно оказывается в двадцать первом веке. Если быть ещё точнее, он попадает прямо в комнату ничего не подозрева-

Глава 1

ющей Эсмеральды, которая работает Au-Pair¹ в огромном загородном доме неприлично богатого семейства Брендфэйров (это потомки Филадельфии, если вдруг кто-то не понял) и присматривает за трёхлетними близнецами Уильямом и Дорианом. Буквально через десять страниц Фил и Эсмеральда уже без ума друг от друга, но тут возникает огромная проблема — коварный братец Филадельфии по имени Винченцо, который тоже осведомлён о необычных возможностях стенного шкафа. И конечно, как подобает настоящему антагонисту, он прилагает все усилия, чтобы отбить у Филадельфии прекрасную Эсмеральду. А ещё он хочет стать самым могущественным путешественником во времени, для чего ему нужно сначала устранить Филадельфию. Собственно, всё. Это весь сюжет. Дальше — только слащавые признания в любви да пафосные супергеройские фразочки. Однако главный герой, этот голубоглазый красавчик Фил, с лёгкостью покоряет все девичьи сердца. Да-да, поклонниц у него немало. И одна из них, к сожалению, моя подруга Леона.

Она бы всё на свете отдала, чтобы Фил существовал в реальности. С тех пор как вышла первая книга серии, она только и говорила о нём. Да, именно таким должен быть её идеальный парень — высоким, подтянутым блондином с ярко-голубыми глазами. Если же он вдобавок окажется британским лордом, да ещё и с магическими способностями — то вообще отлично. Только вот Фил был всего лишь книжным героем, а прыщавый Томми, с которым Леона училась примерно с шестого класса,

¹ Au-Pair — обоюдный (фр.). Так называют молодого человека (юношу или девушку), который бесплатно живёт в чужой стране в принявшей его семье и делает определённую несложную работу — чаще всего присматривает за детьми. (Здесь и далее — примеч. ред.)

За двадцать минут до полуночи

даже близко не соответствовал её высоким требованиям. Я прекрасно понимала, что Леоне не слишком хочется выяснять, каково это — целоваться с парнем, который носит брекеты, но в то же время мне было даже немного жаль Томми. Особенно учитывая тот факт, что он всегда давал ей списывать математику и носил её рюкзак. Незадолго до летних каникул он даже застенчиво поинтересовался, пойдёт ли она с ним на осенний бал. И это был не худший момент, потому что как раз за пять минут до этого Леона получила высший балл за контрольную по математике. Только поэтому она снисходительно бросила «хорошо» (просто не хотела разбивать ему сердце — он же, в конце концов, помогал ей с уроками и взамен никогда ничего не просил).

В любом случае лучше уж идти на бал с прыщавым Томми, чем одной! Так я пыталась утешить её на протяжении всех каникул. Печально было только то, что без пары для бала осталась именно я, потому что слишком долго ждала, что меня пригласит Джонас. Но он просто стащил пару листков из моего альбома и поцеловал в щёчку на автобусной остановке, а через неделю уже обжимался в кафе с Меган Джонсон (с таким имечком только в Голливуде у известных режиссёров сниматься!). Отец Меган был американцем, и в течение года она несколько раз летала в Кентукки к бабушке с дедушкой. С ней-то Джонас как раз и встречался. Даже клубничкой её кормил. ПРЯМО ИЗ СВОЕГО РТА! А мне от него только лягушачий рингтон остался...

Я поспешила в ванную, ополоснула холодной водой усыпанное веснушками лицо и попыталась заплести косу. Но мои волосы, казалось, жили собственной

Глава 1

жизнью, и на голове остался полнейший хаос. Вид как у маленькой разбойницы. Иногда огненно-рыжие волосы и веснушки кажутся мне сущим наказанием, но с другой стороны — они напоминают мне о маме. Она умерла, когда мне было два года. Мы с ней действительно невероятно похожи, только глаза у меня карие. Папины.

На кухне меня ждали пустая упаковка кукурузных хлопьев и кислое молоко. Прекрасно. Ещё и не позатракаю сегодня толком. Не день, а катастрофа!

В довершение всех бед я упала с винтовой лестницы, которая соединяла нашу квартиру с книжной лавкой на первом этаже. Но даже это было ещё не самым кошмарным, потому что, падая, я чуть не сбила с ног Ёлку-Перепёлку, папину постоянную клиентку. Конечно, звали её на самом деле совсем не так, просто она всё время носила одежду странных оттенков зелёного, а её прическа была похожа на птичье гнездо — вот я и дала ей такое прозвище. Ну... просто не смогла удержаться.

Ёлка-Перепёлка как раз покупала роман с интригующим названием «Пламенная похоть горца» (или что-то в этом роде). Она строго спросила, не пора ли мне, четырнадцатилетней девочке, прекратить кататься по перилам. Потом начала что-то бубнить о том, что надо взрослеть, несколько раз упоминала Пеппи Длинныйчулок. А на руках у неё, как всегда, сидел Джакомо Казанова — чихуахуа с богатейшей родословной, уходящей корнями аж в средние века. По крайней мере, так утверждала сама Перепёлка.

Я, может, и ответила бы ей дерзко, но на ум ничего не пришло. Да и не в том я была положении, что-

За двадцать минут до полуночи

бы язвить — я сидела на полу с ушибленной ягодицей и выслушивала её нотации, пока все в лавке с любопытством поглядывали на меня.

Боль не прошла даже через двадцать минут, когда я, сидя у крошечной угловой витрины, выходящей на Клеверный переулок, тщетно пыталась понять папины указания с улицы. Отец вдруг решил, что декорация, которую он собрал ещё в прошлое воскресенье, недостаточно яркая для такого грандиозного события... Иногда он бывал таким суетливым, ну просто ужас. Я часто спрашивала себя, что с ним случилось бы, не унаследуй он этот магазинчик от прадедушки Генриха. Но ответ был один — в этом случае он открыл бы свою книжную лавку. Просто потому что папа был прямо-таки одержим книгами.

Он беспокойно пощипывал себя за подбородок.

— Эмма, добавь-ка ещё немного блёсток. Все должно выглядеть волшебно! Проходящим мимо людям должно сразу бросаться это в глаза. Да, вот так хорошо. Ещё, ещё больше! Ох нет, это уже перебор... Филадельду и Эсмеральду должно быть видно!

Я с трудом могла его слышать. Он стоял на улице под проливным дождём. Его серый пиджак насквозь промок, а в бороде я могла разглядеть отдельные капельки.

Я вздохнула и скривилась.

Папа, похоже, не заметил, что настроение у меня, мягко говоря, паршивое, и снял свои круглые очки, которые делали его немного похожим на сову.

— Так, Морковка, давай я тогда сам. А ты лучше стулья иди расставь, с этим ты точно справишься.

Вот поэтому мне и не нравилось работать в книж-

Глава 1

ной лавке. Что, скажите на милость, я сейчас сделала не так? С этим ты справишься... Как будто мне только задания для малышей можно доверить. Кроме того, я всей душой ненавидела это дурацкое прозвище, которое дал мне папа ещё в детстве. *Морковка*. Ну очень остроумно! Никогда от него, наверное, не отделаюсь.

Я фыркнула, опустила руку в ведро с блёстками и быстро-быстро их перемешала. Потом я выпрямилась, но сделала это чересчур резко и сильно ударилась затылком о распахнутую раму витрины. От неожиданности я качнулась назад и попала ногой в ведро... Пытаясь сохранить равновесие, я замахала руками в воздухе, но тщетно — в итоге я всё-таки рухнула на стол с книгами. Острый край одной из них тут же вонзился мне прямо в спину, я взвизгнула от боли, махнула ногой, и ведро с неё тотчас улетело куда-то в торговый зал. Ну супер, что сказать. Столько раз подряд облажаться на публике — это, конечно, надо постараться. А ведь день только-только начался. Хуже уже точно не будет. Правда, блёстки засыпали все книги и пол. А ещё... ведро приземлилось прямо на голову старика, который как раз подошел к кассе и взял лимонную конфетку из декоративной вазочки. К счастью, на голове у него была широкополая шляпа, по форме чем-то похожая на дыню, так что это всё-таки немного смягчило удар. Но всё равно — грохот стоял жуткий, когда ведро упало на пол, чуть покружилось и наконец замерло.

— Од-на-ко... — пробормотал старик и чуть приподнял бровь.

В следующую секунду в магазин влетел папа.

Я невинно посмотрела на него и откинула со лба прядь, выбившуюся из косы. Пошевелиться я не сме-

За двадцать минут до полуночи

ла, потому что чувствовала, что твёрдая обложка книги под моей спиной все больше гнётся и в любой момент может просто сломаться. Будет лучше, если папа ничего об этом не узнает. По крайней мере, не сейчас. Потому что, судя по тому, как он побледнел, он уже и так находился на грани нервного срыва.

Он поспешил к старику.

— Тысяча извинений! Моя дочь, она пытается помогать мне с делами в лавке, но... Это просто катастрофа ходячая. Вы сильно ошиблись?

— О, всё в порядке. — Старик смахнул блёстки с плеча. — У неё, пожалуй, неплохо получается помогать. Ей надо делать это чаще. Я, знаете ли, большой поклонник буффонад¹ в стиле Чарли Чаплина.

Буффонады? Чарли Чаплин? О чём он вообще говорит, этот странный тип, который в своём чёрном пальто выглядит так, будто только что выпрыгнул из девятнадцатого века? Почему, кстати, он вообще в пальто? Лето же... В одном я была абсолютно уверена — раньше я этого старика в нашем магазине не видела. Его белые, как снег, волосы завивались у ушей в тонкие локоны, а над верхней губой красовались пышные усы. Однако самой необычной деталью в его образе был монокль, который он достал из нагрудного кармана пальто и вставил в левый глаз.

Да кто вообще носит монокль в двадцать первом веке?!

Но незнакомец вёл себя так, будто ничего необычного не произошло. Он подошёл ко мне ближе и пристально посмотрел в глаза.

¹ Буффонада — комедийное действие, основанное на резком преувеличении.

Глава 1

— Впереди у нас важное событие. Не так ли?

Я наконец-то начала приходить в себя. Поднимаясь со стола, я поспешно спрятала книгу с испорченной обложкой за спину и хотела что-то ответить, но не смогла. У меня будто язык отнялся.

Впрочем, старик, кажется, и не ждал никакого ответа.

— Поистине, поистине это прекрасный вечер, — тихо пробормотал он, направляясь к двери. На пороге он остановился, приподнял шляпу и слегка поклонился мне. Затем быстро покинул магазин и зашагал по улице. Только тень мелькнула.

Я повернулась к кассе. Папа как будто и не заметил ничего необычного. Что ж, это можно понять — сколько таких странноватых клиентов встречается ему каждый день... Одна Ёлка-Перепёлка чего стоит.

Папа тихонько напевал рождественскую песенку, рассматривая книжную закладку из трилогии о полуночи. Главный герой, Фил, на фоне фиолетовых блёсток. Слашаво до невозможности.

— Знаешь его? — спросила я, по-прежнему пряча за спиной повреждённый экземпляр книги.

Папа поднял глаза.

— Нет, Морковка. Но похоже, его заинтересовало грядущее мероприятие.

— Да ему лет восемьдесят, не меньше, — фыркнула я. — С каких это пор старенькие дедушки читают книги для подростков?

— Ну... — Папа пожал плечами. — Есть истории, которые приятно читать в любом возрасте. — Он по меньшей мере десять раз переложил закладки слева направо и теперь наверняка не перепутал бы их расположение даже с закрытыми глазами.